

Помощник Президента РФ А.А. Фурсенко посетил Политехнический университет

В разгар лета активная общественно-научная жизнь вузов, как правило, затихает. Но в Политехе все иначе. 17-18 июля в университете прошла конференция Международной ассоциации русскоговорящих ученых (RASA), которую, помимо ведущих ученых, работающих в разных странах Старого и Нового Света, посетил помощник Президента Российской Федерации Андрей Александрович Фурсенко. Он поделился мнением о российской научной диаспоре и национально-технологических приоритетах. Рассказал о судьбе мегасайенс-проектов, а также о том, на сотрудничестве с какими странами следует сосредоточиться.

О развитии сотрудничества с русской научной диаспорой

По поводу научной диаспоры я считал и считаю, что это часть русского мира. Но одна из проблем заключается в том, что она традиционно меньше ощущала себя частью русского мира. Например, китайская или ирландская диаспора гораздо в большей степени воспринимает себя частью своей страны независимо от того, где они живут. В этом нет ничего ужасного, это

менталитет, психология. Я считаю, что мы более толерантны по отношению к приезжим и по отношению к той стране, в которую выезжаем.

При этом взаимодействие с диаспорой, с нашими соотечественниками – вещь крайне важная. Но тут есть аспекты, которые мы тоже не должны недоучитывать. Вот недавно прошел конкурс Чайковского. Я разговаривал с людьми, которые возглавляли жюри, они сказали, что самые низкие оценки российским исполнителям ставили уехавшие из России представители диаспоры. Причины могут быть разные, но этот факт имеет место. К чему я все это говорю? Вопрос кооперации, сотрудничества, приятия-неприятия – это дорога с двусторонним движением. Если приехавший человек начинает высказываться более жестко, чем это делают другие, по поводу тех или иных недостатков даже не страны, а конкретных ее представителей, то это, как правило, рождает ответную реакцию. К этому надо относиться спокойно. Но если мы хотим, чтобы сотрудничество развивалось более активно – а я считаю, что это крайне важно, то мы должны понимать, что учитывать надо все аспекты.

Об «утечке мозгов» за рубеж

У нас нет сегодня массовой миграции. Мы проанализировали – это «фантомное поле», скорее 90-х, может, начала нулевых. Миграция из Франции, Германии сейчас гораздо заметнее, чем у нас. Сегодня «остепененных» людей возвращается больше, чем уезжает из России. Например, есть высшая премия государства, три премии в год по науке для молодых ученых. В этом году получили очень хорошие работы из Нижнего Новгорода, Физтеха и биолог очень толковый из Новосибирска (Лауреатами премии Президента Российской Федерации за 2014 г. в области науки и инноваций для молодых ученых стали И.И. Диденкулова, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, старший научный сотрудник Института прикладной физики РАН; А.М. Калашникова, старший научный сотрудник Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе РАН; Н.А. Кузнецов, старший научный сотрудник Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН. – Примеч. Ред.). Все трое проработали за рубежом, Калашникова там даже защитила PhD, а не кандидатскую. Все они вернулись, и я думаю, что их премии получены в том числе благодаря тому, что они имели хорошую стажировку, хорошую работу в ведущих коллективах в различных странах. Я разговаривал с ними – у них нет желания уехать куда-то насовсем, но они считают, что если бы не получили возможность поработать за рубежом, то не получили бы и эту высшую государственную награду. И это касается не только их троих.

О проектах с RASA

Мы действительно сделали очень много из того, что намечали. И это все не бессмысленные мероприятия. Речь идет о привлечении диаспоры к независимой оценке, рецензированию научных проектов в Российской Федерации (Первой, кому потребовалась такая экспертиза, была корпорация РОСНАНО. Также услугами экспертов RASA воспользовались Минобрнауки РФ в рамках программ «Кадры 1.5» и «Мегагрант», Сколтех и Российская венчурная компания. – Примеч. Ред.). Сегодня это выглядит абсолютно естественным, но когда мы первый раз встречались во Франции (первая конференция RASA состоялась во Франции в 2008 году. – Примеч. Ред.), об этом говорилось, как о вещи маловероятной. А сегодня у нас есть серьезная программа по созданию лабораторий и активному участию наших коллег в России (Например, в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого создан кластер новых лабораторий и научных групп биомедицинского направления, объединенных в единую структуру, – Центр научных исследований «RASA-Политех». В настоящий момент Центр включает шесть лабораторий. – Примеч. Ред.).

О научно-технических приоритетах

Только что прошел президентский совет, он был посвящен вопросам выбора приоритетов в научно-технической сфере (24 июня 2015 г. в Кремле состоялось заседание Совета при Президенте по науке и образованию на тему «Новые вызовы и приоритеты развития науки и технологий в Российской Федерации». – Примеч. Ред.). Стратегические приоритеты, начиная с 90-х годов, обсуждались много раз. Принимались решения и самое забавное – выполнялись. Но при этом того результата, которого все ожидают, его не получается. У нас нет ощущения, что действительно роль науки, роль ученых для развития экономики страны, с одной стороны, и возможность для ученых самореализации – с другой стороны, что этот вопрос в полной мере проработан. Хотя вроде бы те задачи, которые ставились, – увеличение

финансирования, создание более масштабной инфраструктуры, более тесное международное сотрудничество, уменьшение среднего возраста ученых, – все это вроде реализовано.

Мы обсуждаем вопросы о том, что является конкретным приоритетом. Вопрос «что» активно обсуждается и является острой проблемой лоббистских группировок. Потому что считается, что если мы обозначили приоритеты, то, скорее всего, вслед за этим туда перераспределится какая-то часть денег. И гораздо меньше обсуждаем вопрос «почему» мы считаем то или иное направление важным, приоритетным, значимым. Но этот вопрос не решается, а обостряется. Потому что если мы начинаем реально обсуждать вопрос «почему» то или иное направление мы считаем важным, то от этого уже приходит более справедливое и обоснованное соображение о том, чем все-таки стоит заниматься, и где мы можем найти ту точку, где сопрягаются интересы государства и интересы конкретных ученых. Если этого сопряжения нет – ничего не будет. То есть, может что-то и будет, но не то, чего нам хотелось бы добиться.

О мегасайенс-проектах

Тяжелая тема. Крупные установки для современных научных исследований уровня токомака, коллайдера, рентгеновского лазера – так называемые «установки класса мегасайенс», требуют существенных денег. Мы

продолжаем выполнять взятые на себя обязательства в проектах международной кооперации – XCELS, например, в швейцарском ЦЕРНе. Это все Европа. Если проект находится в России, то с самого начала речь шла о том, что надо договориться, чтобы это не были российские деньги и иностранные ученые, а все-таки чтобы был проект на паритетных началах. Несколько проектов такого типа согласовали, некоторые близились к реализации, но известные события, наложившиеся на достаточно серьезные финансовые проблемы не только у нас, но и в других странах, эти проекты подтоормозили. Тем не менее в Дубне ускорительно-экспериментальный комплекс NICA все-таки движется, договорились о том, что китайцы возвращаются в Дубну и готовы участвовать в этом проекте. Реакторный комплекс ПИК в Гатчине движется, по крайней мере, часть оборудования передана Германии и вроде бы не останавливается работа. Проблема упирается в то, кто может оказаться партнером.

Президент недавно подписал очень важное решение о том, что доля от ВВП на финансирование фундаментальных исследований не должна уменьшаться. Это означает, что мы, по крайней мере, одну из статей затрат на науку сделали защищенной. Это важная вещь. Но этих денег недостаточно. Для того чтобы начать любой проект мегасайенс, нужно целевое инвестиционное вложение, которое исчисляется многими миллиардами рублей. Я думаю, что в тех случаях, где реально намечается международное сотрудничество в области мегасайенс, эти деньги будут найдены. Когда мы спрашиваем у инициаторов проекта, где ваши партнеры, они говорят, понимаете, мы все привыкли к тому, что деньги должны прийти из бюджета государства. У нас худший показатель из всех стран, которые всерьез занимаются наукой, по софинансированию прикладных исследований. Под программы, которые позволяют по-новому позиционировать российскую науку в мире, государство готово выделять целевое финансирование. Но ответ на вопрос заключается в том, насколько наши ученые сумеют инициировать своих партнеров к тому, чтобы на паритетных началах участвовать в наших проектах здесь, в России.

О спросе на научную продукцию и стратегических партнерах

Одна из огромных проблем – нежелание, неготовность начать междисциплинарные исследования. Хотя на самом деле слово «междисциплинарные» довольно бессмысленное, поскольку надо понять, что «дисциплины» в старом понимании – они отсутствуют, их нет. Все эти грядки, которые были нарезаны, укреплены оградами, заборчиками, они в сегодняшней жизни эфемерны. Что такое сегодня технологии трехмерного лазерного производства на микро- и наноуровнях? Что это такое – информатика, химия, физика, биология? Ни одна формулировка не описывает то, что это на самом деле. Заняться такими вещами очень страшно. Потому что далеко не факт, что удастся добиться результата.

Еще одна системная проблема в России – это проблема серьезного внешнего заказчика по отношению к науке. Здесь много различных аспектов. Начиная с того, что вопрос внедрения никогда не был сильной стороной советской

науки. Не нас искали, чтобы что-то взять, а мы бегали за промышленностью, дескать, «вот хорошая идея, попробуйте». Сейчас ситуация лучше не стала. Более того, когда началось улучшение ситуации в экономике, и нам стали нужны идеи, то отчасти из-за позиции наших научных организаций и качества их предложений, все эти бизнесы пошли за рубеж...

Есть страны, которые заинтересованы сегодня в развитии науки. С Китаем работать становится интереснее. Все разговоры о том, что главная их идея – «что-то украсть», они все-таки уходят. Отчасти это связано с тем, что начали красть у Китая. У них наука, цивилизованность этой науки, она подниматься начала, а страны, которые проходят предыдущую стадию, они начали «таскать» все оттуда. Тема защиты интеллектуальной собственности, а значит, уважительного отношения к правам, на мой взгляд, в Китае стала более серьезной. Китай верит в то, что они в абсолютно правильном режиме, за счет своей эффективности, скорости, за счет того, что есть ресурсы, они обыграют кого угодно.

Считаю, что взаимодействие с Китаем крайне полезно, во-первых, потому, что стимулирует. Во-вторых, – а с кем, собственно говоря, взаимодействовать? Это хороший партнер, который действительно заинтересован в разработках. Тот же самый Иран – очень интересная страна, с интересным потенциалом. Вьетнам, который сегодня развивается с огромной скоростью. Мы должны психологически поменять свое отношение. Мы не должны ни к кому относиться свысока. Нам надо на основе партнерства, уважения взаимодействовать с ними, предлагая такого же уровня проекты, которые мы предлагаем нашим партнерам в Европе и Америке.

Хотя у нас есть уникальные научные школы, мы должны понимать, что наука – это вещь глобальная. Сегодня происходит огромный излом. Стартовые позиции опять уравнились. Мы на наших воспоминаниях об атомном и космическом проектах далеко не уедем. Хотя забывать об этом тоже нельзя, потому что это было сделано – и было сделано нашими соотечественниками.

Материал подготовлен Медиа-центром СПбПУ

Дата публикации: 2015.07.21

>>Перейти к новости

>>Перейти ко всем новостям